

МАРИЯ
МЕНДЕС

в 40
РАЗВОД

*Ты потеряла
больше, чем я!*

18+

Мария Мендес

**Развод в 40. Ты
потерял больше, чем я!**

«Автор»

2026

Мендес М.

Развод в 40. Ты потерял больше, чем я! / М. Мендес — «Автор»,
2026

— Девочки, у вас скоро будет братик.— Как это? Мама, ты беременна?— Нет. Это у меня в животике растет сын вашего папы, — заявила любовница мужа в день рождения наших двойняшек._____ Я думала, что знаю своего мужа. Двадцать лет брака, две дочери, планы на будущее. Но когда застала его с беременной любовницей в день рождения детей, поняла, что жила с чужим человеком. Теперь передо мной новая жизнь и тест на беременность, который может изменить всё. От автора: .ОДНОТОМНИКХЭ БУДЕТ У ТЕХ, КТО ЗАСЛУЖИЛ.

© Мендес М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	6
Глава 3.	8
Глава 4.	9
Глава 5.	10
Глава 6.	12
Глава 7.	14
Глава 9.	16
Глава 10.	19
Глава 11.	21
Глава 12.	23
Глава 13.	26
Глава 14.	29
Глава 15.	31
Глава 16.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мария Мендес

Развод в 40. Ты потерял больше, чем я!

Глава 1.

— Малыш толкается! Мой сын скучает по папочке!

Голос Натальи ворвался в мою жизнь, как пожар.

Я стояла в дверях кухни с пакетами из магазина в руках. Успела купить свечи для торта и газировку, которая кончилась, пока девочки развлекали гостей.

А вернувшись в свой собственный дом, увидела режущую до боли картину.

Мой муж Максим сидел рядом с Натальей за столом, накрытым для дня рождения моих дочерей. Его рука покоилась на едва заметном животе Натальи. Он гладил его нежно, как когда-то гладил мой, когда я была беременна нашими дочерьми-двойняшками.

— Наш мальчик будет красавцем, — шептал он, прижимаясь губами к ее виску.

Пакеты упали на пол. Свечи рассыпались по всей кухне.

— Саша? — Наталья подняла глаза, и сначала в них мелькнул страх. Но через секунду страх сменился триумфом. Она даже облегченно выдохнула.

Максим резко убрал руку с ее живота и вскочил, словно его током ударило. Лицо побледнело, челюсть напряглась.

Но было поздно. Я услышала и увидела своими глазами его предательство.

Двадцать лет брака. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ. И все рухнуло за одну секунду.

Я смотрела на Наталью и Максима и не могла выдавить ни слова. Внутри все умерло. Просто взяло и умерло в одну секунду. А она, не стесняясь происходящего, в ответ глядя на меня, откусила кусок торта, который я пекла для своих дочерей с шести утра, и, закатив глаза от удовольствия, проглотила сладость, не подавившись.

— Саша, я могу всё объяснить... — начал Максим.

— Объяснить? — мой голос звучал как чужой, далекий, будто из могилы. — Что именно? Как ты гладил живот мамы Сони, подружки наших дочерей? Здесь, в нашем доме, в день рождения наших девочек?

Максим открыл рот, но так ничего и не сказал. А мой взгляд сам собой скользнул на живот Натальи.

— Сколько? — губы едва шевелились.

— Месяцев? — Наталья наклонила голову, изображая невинность, но в глазах плясали черти. — Четыре. Как раз почти половинка. А что, заметно уже?

Издевку любовницы я сразу поймала, но все же промолчала. После такого удара в спину я словно окаменела и не могла собраться, чтобы дать достойный отпор. А она продолжала ухмыляться.

Четыре месяца назад мы с ним отмечали нашу годовщину. Двадцать лет вместе. Я готовила его любимую лазанью, купила дорогое вино. А он весь вечер был рассеянный, задумчивый. А когда я попыталась приблизиться к нему в постели, он отвернулся к стене и буркнул, что очень устал.

Теперь понятно, почему он был таким отстраненным.

— Мам! — В кухню ворвались мои девочки. — Ты где пропала? — говорила Вика на перебой с сестрой.

— Купила свечи? А почему так долго? — добавила Алина.

Они замолчали, увидев мое лицо.

— Мама, — тихо спросила Вика, — почему ты плачешь? И что здесь происходит?..

Глава 2.

Я плакала? Странно, я этого не чувствовала. Только жжение в груди, как будто проглотила кислоту.

— Девочки, — голос едва слушался меня, — идите к гостям.

— Но мам...

— Прошу вас, — прошептала я уже срывающимся голосом.

Они неохотно, но все же послушались меня и убежали обратно к подружкам. А Наталья продолжала жевать праздничный торт моих дочерей и смотреть на меня с этой мерзкой улыбочкой.

— Знаешь, Саша, — протянула она, — не принимай близко к сердцу. Мужчинам нужны сыновья. А ты... — взгляд скользнул по мне сверху вниз, — ты могла родить только девочек.

Только девочек.

Как будто мои дочери бракованный товар.

И тут я словно вынырнула из-под воды. Шок отступил, мысли прояснились. Ее слова о моих девочках были как пощечина, которая разбудила во мне ярость.

— Ах ты сука, — выдохнула я сжимая руки в кулак.

— Может быть, — Наталья перебила и пожала плечами. — Зато беременная наследником сука. От твоего почти бывшего мужа.

Максим наконец нашел в себе силы вмешаться.

— Саша, давай поговорим спокойно...

— Спокойно? — я медленно обернулась к нему. — Твоя беременная любовница в нашем доме сидит за праздничным столом наших дочерей, ест торт, приготовленный моими руками для наших девочек, ты позволяешь этому безобразию происходить, а я должна вести себя при этом спокойно?

Максим побледнел и сжал кулаки, будто не я, а он сегодня переживает самый сложный момент в жизни.

— Я могу всё объяснить...

— Объяснить? — истерический смех. — Что именно? Как ты трахал маму подружки наших дочерей? Или как планировал рассказать мне об этом в день их рождения?

— Саша, дети услышат...

— Пусть слышат! — я орала уже в полный голос. — Пусть знают, какой у них отец! Пусть знают, что им не повезло родиться девочками!

— Мама! — Вика и Алина влетели в кухню.

Они своими еще такими невинными глазами смотрели на меня взволнованно. А потом на своего побледневшего отца и в конце уже на тетю Наташу, которая сидела с довольным лицом и поглаживала свой живот.

— Папа, — тихо спросила Вика, — что происходит?

Максим открыл рот, но так ничего и не сказал. Лишь стыдливо отвел глаза.

Зато Наталья встала, подошла к моим дочерям и мягко произнесла.

— Девочки, у вас скоро будет братик.

Алина моргнула.

— Как это? Мама, ты беременна? — подняв удивленно брови, спросила дочь.

А мне просто умереть в этот момент захотелось. Так больно и паршиво мне никогда еще не было.

Наталья открыла рот, собираясь продолжить, но Максим предупреждающе окликнул ее.

— Наталья!

Однако она не обратила на него внимания и, глядя прямо на моих дочерей, сладко заговорила.

— Нет, девочки. Ваша мама не беременна. Это у меня в животике растёт сын вашего папы. Так что у вас будет братик по отцовской линии.

Повисла звенящая тишина. А потом Алина, моя тихая, задумчивая Алиночка, вдруг заорала дрожащим от слёз голосом.

— Нет! Это неправда! Вы всё врете! Мой папа любит мою маму.

Она подбежала к любовнице мужа, и пока мы не понимали и не ожидали от дочери такой бурной реакции, она с криком толкнула Наталью прямо в живот.

— Уходите! Мы не отдадим вам папу!

Глава 3.

Наталья взвизгнула и схватилась за живот. Максим рванулся к ней, даже не взглянув на дочь.

— Наташ, ты в порядке? Как малыш?

Алина стояла с красными от слез глазами и тряслась.

— Это не его ребенок! — кричала она. — Не его! Папа наш!

— Алина, немедленно извинись, — Максим взревел и впервые за весь вечер посмотрел на дочь. Вот только в его взгляде было лишь злость и разочарование.

Разочарование в собственном ребенке.

— Максим, — я шагнула вперед, загораживая собой дочь, — если ты сейчас заставишь ее извиняться перед твоей шлюхой...

— Александра! — рявкнул он. — Следи за языком!

— Или что? Уйдешь к ней? — я рассмеялась. — Так ты же уже ушел! Четыре месяца назад!

Наталья тем временем довольно бодро достала телефон и демонстративно набрала номер.

— Алло, скорая? Меня ударили в живот. Я беременна, четыре месяца. Да, приезжайте скорее.

Она назвала наш адрес и посмотрела с презрением на мою Алинку.

— Отличное воспитание, детка. Драться с беременными, это то, чему вас мама учит?

— Замолчите! — заорала Вика позади меня и кинулась к Наталье с кулаками.

Но Максим перехватил ее и грубо оттолкнул.

— Девочки, в комнату! НЕМЕДЛЕННО!

— Не смей на них кричать! — я встала между ним и дочерьми. — Это ТЫ привел эту женщину в наш дом! Это ТЫ разрушил их семью! И это наш дом! И Если кому и надо уйти, то точно не моим детям!

— Я ничего не разрушал! — Максим покраснел. — Я просто... я хочу сына, понимаешь? СЫНА! А ты за двадцать лет смогла родить только...

Он не договорил. Но слова повисли в воздухе.

Только девочек.

Только не то, что нужно настоящему мужчине.

— Папа, — ошарашенная услышанным, прошептала Вика, — ты... Ты нас что, больше не любишь?

И тишина стала оглушительной.

Максим смотрел на дочерей и, кажется, только сейчас понял, что сказал. В его глазах мелькнул стыд.

— Люблю, — наконец сказал он. — Но...

— Нет никаких "но"! — взревела я. — Или любишь, или нет!

Мой крик эхом отозвался в кухне. Наталья первой отмерла от шока и, словно умирающий лебедь, театрально выпрямилась, поправила юбку и направилась к выходу. Она нарочно переключала все внимание Максима на себя, не давая ему времени объясниться с дочерьми и оставляя между ними недосказанность и боль.

— Максим, я поехала в больницу проверить нашего сына. Ты со мной?

Максим кивнул и пошел за ней. На пороге обернулся.

— Завтра поговорим. Когда ты успокоишься.

— Говорить не о чем, — тихо сказала я. — Забирай вещи и убирайся.

— Саша! — рыкнул он на меня недовольно.

Глава 4.

— Убирайся к своей любовнице и своему драгоценному сыну. Ты сделал свой выбор, Максим. Только запомни одно, ты еще пожалеешь о своём выборе, потому что во всей этой истории, ты потерял больше, чем я!

Он поджал губы и вышел вслед за своей пассией. А мы остались одни. Я и мои девочки с испорченным днем рождения и разбитыми сердцами.

Алинка плакала, уткнувшись мне в плечо. Вика стояла у окна и смотрела, как папа уходит с беременной тетей Наташей и забирает с собой Соню, прерывая детский праздник.

— Мам, — спросила она, не оборачиваясь, — а если бы мы были мальчиками, он бы не ушел?

И я поняла, что сейчас скажу слова, которые причинят им боль, но эту правду они должны услышать от меня.

— Нет, дорогая. Но тогда бы вы не были моими девочками. А я не хочу других детей. Я хочу именно вас.

Час потребовался, чтобы кое-как успокоить девочек. Они рыдали навзрыд, задавали вопросы, на которые у меня не было ответов, просили, чтобы папа вернулся.

Я обнимала их, гладила по головам, шептала, что все будет хорошо. Врала.

Потому что ничего хорошего в ближайшее время точно не будет.

Уложила их спать в их кровати. Они боялись оставаться одни, цеплялись за меня, как маленькие. Хотя им уже по тринадцать исполнилось.

Но сегодня они снова стали малышами, которых напугал большой злой мир.

Я сидела рядом с ними, пока они не заснули. Вика засыпала, всхлипывая, Алина сжимала мою руку так крепко, что оставались следы от ногтей.

Когда их дыхание стало ровным, я тихо встала и пошла в спальню.

Нашу спальню.

Которая теперь стала только моей.

Села на край кровати и пропустила весь сегодняшний ужас через себя еще раз. Каждое слово. Каждый взгляд. Каждую секунду предательства.

И тут меня накрыло.

Слезы хлынули так, что я задыхалась. Инстинктивно зажала рот ладонью, чтобы не рыдаться в голос, потому что нельзя было допустить, чтобы дочери услышали мои рыдания. Я кусала костяшки пальцев, давилась собственными слезами, но не позволяла звукам вырваться наружу.

Двадцать лет совместной жизни, двадцать лет любви, надежд и планов на будущее разбились в хлам за один проклятый вечер.

Внутри все горело, как будто меня выворачивали наизнанку. Хотелось кричать, бить кулаками в стену, разбить что-нибудь.

Но я могла только беззвучно плакать, зажав рот рукой.

В таком состоянии я все же нашла в себе силы протянуть трясущиеся руки к выдвижному ящику тумбочки со своей стороны, нащупала и вытащила тест на беременность, который купила еще три дня назад...

Глава 5.

Утром проснулась от назойливого звука будильника. Голова раскалывалась от слез и пережитого ада, а глаза словно засыпало песком. Еле заставила себя сесть на кровати.

И только тогда поняла, что так и уснула вчера в одежде и с тестом на беременность в руках. Не смогла решиться его сделать. Что если я действительно беременна? Как я такое перенесу сейчас?

Я не была готова к еще одному удару. Решила, что обязательно сделаю тест, но когда более-менее приду в себя. А сейчас пора поднимать девочек.

Что бы ни произошло вчера, я не хотела и не могла допустить, чтобы это отразилось на жизни моих дочерей.

Кое-как встала и пошатываясь от усталости, поплелась в детскую. Девочки уже проснулись, но так и лежали в своих кроватях, безучастно уставившись в потолок.

— Вставайте, милые, опаздываем в школу, — попыталась придать голосу бодрость.

— Мы никуда не пойдем, — тихо, но твердо произнесла Вика.

— Как это не пойдете? У вас же уроки...

— А вдруг все уже знают про папу? — Алина свернулась под одеялом и укрылась с головой. — Вдруг все будут смеяться, что он нас бросил?

Слова пронзили, как нож. Мои девочки стыдились поступка собственного отца. Им было стыдно за то, в чем они не виноваты.

Присев на край кровати Алины, я мягко отвела одеяло от заплаканного лица.

— Послушайте меня внимательно. То, что произошло между мной и папой, это наша взрослая история. Вы здесь совершенно ни при чем. И вам точно не за что стыдиться.

— Но все ребята будут говорить... — начала Вика со слезами в голосе.

— И что с того? Из-за чужих сплетен будем прятаться всю жизнь? Может, сразу поменяем школу? А потом переедем в другой город?

Слова давались с трудом, но я знала, что сейчас должна быть их опорой, их силой. Даже если внутри все рассыпалось в прах.

Вика медленно приподнялась и посмотрела заплаканными глазами.

— А если Соня что-нибудь скажет про вчерашнее?

— Не думаю, что Соня станет так себя вести, — я постаралась звучать убедительно. — Все же наши взрослые дела не должны касаться детей. И Наталья с вашим отцом, думаю, ей это тоже объяснили.

Как же тяжело было произносить эти слова. Говорить о них как о паре и как о порядочных людях. Господи, как же тяжело на душе! Прошу, дай мне сил вытерпеть все это.

Следующие сорок минут превратились в настоящее испытание. Нужно было привести девочек в порядок, подбодрить и отправить в школу. Когда я их наконец проводила до выхода, они шли медленно, опустив головы, но все-таки шли. Для меня это уже была маленькой победой над сложившимися обстоятельствами.

Когда дверь закрылась за девочками, я рухнула на диван. Тело ломило от напряжения, в голове крутились обрывки вчерашних событий. Картины предательства сменяли друг друга. Максим, глядящий живот любовницы, торжествующий взгляд Натальи, слезы девочек...

Попыталась отвлечься мыслями о практических вопросах. Развод, алименты, имущество. Но мозг отказывался сосредотачиваться. Все мысли разбегались, как напуганные мыши.

Резкий звонок телефона заставил подпрыгнуть. На экране высветилось имя свекрови.

— Доброе утро, Ирина Игнатьевна, — устало ответила я, надеясь на сочувствие и слова поддержки.

— Сашенька, дорогая моя, — голос свекрови звучал спокойно и участливо. — Я узнала о том, что произошло между вами с Максимом. Мне очень жаль, что все так печально получилось.

Впервые за сутки почувствовала облегчение. Наконец-то кто-то готов поддержать меня в этом кошмаре.

— Спасибо, Ирина Игнатьевна, — голос дрогнул. — Мне сейчас очень тяжело пережить все это...

— Но ты должна понимать, Сашенька, что Максиму необходим наследник. Каждому мужчине нужен сын-наследник. Это закон жизни, и с этим бесполезно спорить.

Я потеряла дар речи, и руки задрожали от услышанного настолько сильно, что телефон едва не выпал из пальцев.

— Что... что вы говорите?

— Саша, не глупи понапрасну, — голос стал поучительным. — Максим любит и тебя, и девочек. Да, случилось неприятное, но это не конец света. Он мог бы жить на две семьи. Подумай, что ты потеряешь, если согласишься? Будь умнее и он останется жить с вами, а у Натальи он будет лишь приходящим-уходящим.

Меня словно окатили ледяной водой. Не могла поверить, что слышу это от женщины, которую двадцать лет считала второй матерью.

— Ирина Игнатьевна, как у вас язык повернулся предложить такую мерзость? — голос дрогнул от боли. — Вы же тоже женщина...

— Александра, ты слишком драматизируешь, — голос стал холодным, как айсберг. — Мой покойный муж так же жил на две семьи много лет. У него была вторая женщина, от нее трое дочерей. Она тоже не могла рожать мальчиков, а я подарила ему сына-наследника. И я не стала эгоистично вырывать его из первой семьи...

Мой мир покачнулся ещё раз. Такого удара я от кого-кого, но от свекрови точно не ждала.

— Что за бред вы несете?! — всхлипнула я, хватаясь за голову свободной рукой. — Не сводите меня с ума еще больше!

— Просто подумай спокойно, Сашенька, — голос стал ласковым, как у психиатра. — Не спеши рубить с плеча. У тебя есть время все обдумать. Подумай о девочках, им же отец нужен сейчас больше всего. Да и для тебя стабильность не пустой звук должен быть. Ты вон сколько не работаешь?! Куда тебе без мужчины?

Швырнула трубку, и телефон со звоном упал на пол. Села на холодную плитку, обхватив колени руками. Весь мир окончательно сошел с ума. Вчера муж с беременной любовницей, сегодня свекровь с психопатическими предложениями.

Неужели все эти годы меня окружали одни предатели и сумасшедшие?

Телефон снова зазвонил, резко выводя из оцепенения, а когда я увидела номер школы на экране, сердце сразу же екнуло от неприятного предчувствия.

— Александра Сергеевна? — голос секретаря директора звучал встревоженно. — Вам необходимо срочно приехать в школу...

Глава 6.

— Заходите быстрее, вас уже ждут, — торопливо сказала секретарь, и я практически влетела в кабинет, задыхаясь от волнения.

Картина, которую увидела, заставила сердце болезненно сжаться. По разные стороны кабинета стояли дети. Слева мои девочки, Вика и Алина, с опущенными головами и виноватыми лицами. Справа Соня, которая еще вчера была их подругой, и незнакомая девочка.

— Добрый день, Петр Валерьевич, — обратилась я к директору, стараясь унять дрожь в голосе.

— Александра Сергеевна! — директор аж покраснел от возмущения, словно индюк. — Ваши дочери устроили драку прямо на уроке! Первыми начали! Это безобразие!

Я растерянно посмотрела на своих девочек. Они так и не подняли глаз, стыдливо сжавшись у стены. А напротив Соня смотрела на них с нескрываемым презрением и каким-то победоносным блеском в глазах. Словно наслаждалась происходящим.

Рядом с ней стояла девочка, от вида которой у меня внутри все сжалось. Черные волосы, явно крашенные, пирсинг в носу, глаза подведены толстой черной подводкой, как у готки. Вместо школьной формы на ней была черная кожаная куртка, черные брюки и топ. Она жевала жвачку и надувала пузыри, глядя на меня с откровенной агрессией и показывая, что ей плевать на всех взрослых.

Впервые вижу эту девочку, интересно, кто она такая и как связана с произошедшим. Но как бы то ни было, у ребенка явно проблемы, и она нуждается во внимании, если позволяет себе так себя вести.

— Петр Валерьевич, я не понимаю, что произошло, — начала я, но дверь кабинета открылась.

Вошел незнакомый мужчина. Высокий, широкоплечий, в дорогом костюме и с уверенной походкой. Видно сразу, что богатый. От него буквально веяло деньгами и влиянием.

— Герман Власов, — коротко представился он, окидывая кабинет оценивающим взглядом.

Его взгляд остановился на девочке-готке, и я увидела, как его лицо омрачилось разочарованием.

— Добро пожаловать, Герман Викторович! — директор моментально преобразился, заискивающе улыбаясь. — Очень рад вас видеть! Понимаете, тут небольшой инцидент произошел, но ничего серьезного, дети есть дети...

Контраст в поведении директора был разительным. Со мной Пётр Валерьевич был груб и возмущен, а перед этим богачом стелился ковриком.

Герман подошел к своей дочери и вдруг нахмурился.

— Таня, у тебя ухо в крови, — голос прозвучал встревоженно.

Он развернулся ко мне с таким ледяным взглядом, что я невольно отступила.

— Это ваши дочери избили мою? — голос звучал опасно тихо. — Двое на одну?

— Минуточку! — преодолев секундное замешательство, я резко остановила его, чувствуя, как щеки пылают от несправедливости. — Давайте сначала выясним, что произошло, а потом делать выводы.

— Герман Викторович, — директор заторопился, — давайте детей отправим в приемную, а сами все обсудим спокойно. Дети, идите подождите за дверью!

Дети потянулись к выходу. Мои девочки прошли мимо, так и не подняв глаз. Это меня окончательно добило.

Когда дверь закрылась, я повернулась к этому Герману Викторовичу.

— А теперь объясните мне, что дает вам право обвинять моих детей, не выяснив обстоятельств?

— То, что моя дочь пострадала, — холодно ответил он. — Этого достаточно.

— Достаточно? — я почувствовала, как внутри все закипает. Терпение после вчерашнего кошмара было на исходе. — А если мои дети защищались? Или вы возомнили себя судьей и уже вынесли приговор, не выяснив правды?

— Умерьте пыл, — бросил он с презрением, делая шаг ко мне.

— И не подумаю! — я тоже приблизилась, чувствуя, как все накопленное за вчерашний день выплескивается наружу. — Мои девочки воспитанные, они никогда не дрались, и раз начали эту драку, значит, была серьезная причина! И причина, скорее всего, в вашей...

— Осторожнее с выражениями, — голос стал еще тише, но опаснее.

— Или что? — я подошла еще ближе и ткнула его пальцем в грудь. — Будете угрожать? Думаете, деньги дают вам право оскорблять чужих детей?

Его рука молниеносно перехватила мою кисть, и в тот же момент другой рукой он рывком притянул меня к себе. Я от неожиданности вскрикнула и испуганно широко распахнутыми глазами уставилась в его лицо.

Глаза пылали разъяренным огнем. Губы плотно поджаты, казалось, он готов был выпалить что-то грубое и злое. Но что-то резко изменилось в его взгляде. Он медленно провел глазами по моему лицу, словно изучая каждую черточку.

А я застыла в его руках и практически не дышала. Сердце колотилось от страха так сильно, что казалось, он обязательно это услышит. И пока я думала об этом, мужчина медленно опустил взгляд ниже и задержался на моих губах дольше, чем следовало.

— Кхм, кхм, — раздалось деликатное покашливание директора.

Но прежде чем отпустить меня, он наклонился к моему уху.

— Вы совершенно неуправляемая женщина, — прошипел он сквозь зубы.

Глава 7.

— Вы совершенно неуправляемая женщина.

Не сразу до меня дошел смысл слов этого наглеца. Но как только я пришла в себя и поняла его оценку моего поведения, захотела огрызнуться. Однако услышала, как дверь кабинета открылась, и, обернувшись, увидела на пороге Максима со своей беременной любовницей.

Они замерли от увиденной картины. Секундное молчание повисло в воздухе. Затем брови Натальи удивленно поднялись, и губы растянулись в намеке на ухмылку. Максим же сначала посмотрел на незнакомого мужчину, потом перевел взгляд на меня. Плотно поджав губы, качнул недовольно головой.

В этот момент Власов ослабил хватку, и я тут же отшатнулась от него. Неловко поправила одежду на себе, почему-то чувствуя себя виноватой за такую ситуацию. Представляю, как мы смотрелись со стороны и что можно было подумать о нас. И то, что можно было подумать, тут же озвучил мой все еще муж.

— Я думал, ты хотя бы немного пострадаешь, прежде чем пуститься во все тяжкие, — холодно бросил он, окидывая меня презрительным взглядом.

Его слова ударили, как пощечина.

— Что ты сказал? — я не могла поверить в услышанное.

— То, что сказал. Не прошло и суток, как ты уже обнимаешься с первым встречным.

Внутри все сжалось от боли и унижения. Как он смеет? Как может так говорить после того, что сам натворил?

— Не суди по себе! — выдохнула я, пытаюсь сдержать слезы. — Не все способны на предательство.

— Хватит! — мягко, но настойчиво вмешалась Наталья, демонстративно положив руку на живот и бросив на Максима многозначительный взгляд. — Мы здесь по другой причине, более важной. Давайте лучше разберемся с ситуацией в школе. Все остальное может подождать.

Директор, видя, что накал страстей зашкаливает, поспешил взять инициативу в свои руки.

— Максим Андреевич! — заискивающе произнес он. — Как я рад вас видеть! Наталья Игоревна, здравствуйте! Познакомьтесь, это Герман Викторович Власов, отец новой ученицы Тани, которая, к сожалению, тоже участвовала в сегодняшнем инциденте.

Мужчины кивнули друг другу, оценивающе глядя друг на друга.

— Понимаете, — продолжил директор, осторожно подбирая слова, — произошла неприятная ситуация. Девочки Александры Сергеевны, как выяснилось, в порыве эмоций напали на Соню и новенькую Таню. По словам свидетелей, они кричали что-то про то, что Соня забрала у них папу...

Внутри все оборвалось от стыда и боли.

— Это неправда! — резко возразила я, но умом понимала, что они могли так сказать. Потому что им больно и они ревнуют. Особенно Алина, она очень любит отца, слишком привязана к нему.

— Ой... Мамочки, — театрально запаниковала Наталья, прижимая руки к животу, — теперь моя Сонечка будет подвергаться травле в школе. Я так и знала! Говорила же, Максим, тебе, что такое будет, а ты всё нет да нет. А теперь что, не прошло и суток, глянь, что творится!

Крокодиловы слезы любовницы потекли по ее щекам, и Максим тут же кинулся к ней успокаивать. А у меня от этой картины всё внутри болезненно ныло и горело.

— Не нервничай, Наташа, — забеспокоился он, нежно поглаживая ее живот. — Думай о нашем сыне. Все будет хорошо.

Я смотрела на эту сцену и чувствовала, как что-то медленно умирает внутри окончательно. Вчерашний кошмар повторялся, только теперь на глазах у посторонних людей. Унижение и растоптанность захлестнули с новой силой.

Власов молча наблюдал за происходящим. Но когда наши взгляды снова встретились, в его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

Глава 8.

— Думаю, на сегодня достаточно, — негромко сказал он директору. — Забираю дочь домой, дома мы с ней поговорим.

И направился к выходу, больше не взглянув в мою сторону.

Я тоже поспешила закончить этот позор.

— Петр Валерьевич, я тоже забираю своих дочерей.

В машине девочки наконец разревелись и рассказали правду.

— Мама, это Соня всем рассказывала, что папа нас бросил и ушел к ним, — всхлипывала Вика. — Что теперь он ее папа, а мы брошенные и ненужные.

— Она сказала, что с такими неудачницами больше никто не будет дружить, — добавила Алина дрожащим голосом. — А новенькая Таня смеялась и обзывала нас убогими.

Сердце кровоточило от боли за них.

Я надеялась, что дома мы сможем спокойно все обсудить, что у нас будет время прийти в себя после этого кошмара. Но дома меня ждал еще один удар. Максим приехал следом.

— Девочки, — строго сказал он, даже не обняв дочерей, — ревность ревностью, но драка — это серьезно. Вы подвели меня. Соня ведь ни в чем не виновата.

Губы Вики задрожали. У Алины глаза наполнились слезами, но она старалась не плакать.

— Все было не так! — не выдержала я. — Ты вообще не хочешь сам спросить у девочек, что произошло? Услышать их версию, а потом только начинать что-то говорить?! Не хочешь, нет? А я вот спросила, и твои дочери рассказали правду! И я верю им, Максим. Потому что они мои дочери! Да даже если бы они солгали, черта с два я дам кому-то унижить их и сделать из них посмешище! И ты, как отец, должен был встать на сторону своих детей, а не чужих! Но не прошло и суток, как чужая дочь стала тебе роднее собственных!

— О, нет! Я знаю, что ты сейчас пытаешься сделать! Ты пытаешься настроить моих дочерей против меня! — взорвался Максим. — Мстишь за мой уход! Думаешь, я не понимаю? Не думал, что ты так низко опустишься, я был о тебе лучшего мнения, Саша!

Что-то лопнуло во мне от этих чудовищных обвинений и несправедливости.

— Низко? — закричала я, чувствуя, как задыхаюсь от ярости и новой волны боли. — Это ты опустился ниже плинтуса! Ты предал семью! Ты завёл любовницу и сделал ей ребёнка! Ты заставил своих дочерей стыдиться того, что они девочки! Ты превратил их детство в ад! А теперь ещё и обвиняешь меня? У тебя нет ни совести, ни чести, ни человеческого и мужского достоинства! Ты...

Голова закружилась. Ноги подкосились.

Последнее, что помню — как падаю, а девочки кричат: "Мама!"

Очнулась я в больнице. Первое, что увидела — белый потолок, а в нос ударил знакомый запах лекарств. Когда сознание окончательно прояснилось, поняла, что Максим сидит рядом с кроватью, а девочки осторожно держат меня за руки.

— Саша, прости меня, — виновато бормотал он. — Я не хотел... Прости...

В палату вошел врач с результатами анализов.

— С пациенткой все в порядке, — сообщил он. — Такое часто бывает в период беременности. Стресс, переутомление...

Максим нахмурился.

— Что вы сказали? — переспросил он, не понимая.

А у меня внутри все похолодело. Всё-таки беременна...

Глава 9.

Мы ехали домой в напряженной тишине, и дорога казалась бесконечной. Девочки сидели сзади, прижавшись друг к другу, и молчали. Максим тем временем сжимал руль побелевшими костяшками пальцев, упорно глядя только на дорогу.

Мы все понимали, что то, что узнали в больнице, меняет всё. Но никто не знал, что с этим делать.

Посреди этого молчания телефон Максима зазвонил в очередной раз. Я видела, как его челюсть напряглась, а рука потянулась к телефону, лежащему в подстаканнике. Он сбросил вызов, даже не глядя на экран. Но через минуту телефон зазвонил снова.

И снова.

И снова.

Максим раздраженно выдохнул и опять сбросил. Мне не нужно было видеть экран его телефона, чтобы понимать, кто звонит ему. Только Наталья могла так часто и нагло ему названивать. Наверняка волнуется, где ее драгоценный Максим пропадает, почему так долго не возвращается к ней и их будущему наследнику.

Телефон зазвонил в пятый раз. Максим резко затормозил у светофора, схватил трубку и отключив звук, кинув ее в бардачок.

— Папа, — тихо подала голос Вика сзади, — ты больше не будешь с нами жить?

Максим замер. В зеркале заднего вида я видела, как дочери смотрят на него с надеждой и страхом одновременно.

— Девочки, — хрипло начал он, — сейчас всё сложно...

— Ты не ответил на вопрос, — тихо, но твердо сказала Алина.

Максим промолчал и продолжил молчаливо вести машину.

Когда мы подъехали к дому, он заглушил двигатель. Мы прошли в прихожую, и только там Максим обернулся к дочерям.

— Девочки, поднимитесь к себе в комнату. Мне нужно поговорить с мамой.

Я хотела сказать, что сейчас не самый лучший момент для разговоров, но голос словно застрял в горле. Я не знала, что делать, что думать, как себя вести. Для меня это был такой же шок, как и для него. Мне нужно было время, чтобы всё обдумать, чтобы успокоиться, но Максим всё равно не успокоится, пока мы не поговорим. Поэтому не стала спорить и переносить этот разговор.

Пока я молчала, девочки посмотрели на меня вопросительно. Для них было важно именно мое слово, а не папино указание. Максим это заметил, поджал губы, но на этот раз не стал кричать о том, что я настраиваю дочерей против него.

Я медленно кивнула, и только после этого девочки ушли наверх.

Хотелось хоть немного оттянуть неизбежный разговор, поэтому я молча направилась на кухню, надеясь собраться с мыслями. Но он, конечно же, пошел за мной следом.

В кухне воцарилась напряженная тишина. Я подошла к крану, налила стакан воды и стала пить маленькими глотками, пытаясь унять дрожь в руках.

Максим встал напротив, облокотившись на кухонный стол.

— Саша, — начал он, подбирая слова, — скажи честно, ты знала, что беременна, когда я уходил?

Я понимала, на что он намекает, и горько усмехнулась.

— Если ты хочешь обвинить меня ещё и в том, что я скрывала от тебя беременность, то нет. Я ничего не скрывала, потому что сама не знала наверняка. Только подозревала, но ещё не успела сделать тест.

Максим тяжело выдохнул и расслабил галстук. Было видно, что он сильно растерян. Не знает, что сказать и что делать с полученной информацией.

И тут снова зазвонил его телефон, лежащий на кухонном столе. Мы оба увидели, что на экране высветилось имя Наташи.

Я разочарованно кивнула на телефон и устало выдохнула.

— Иди к своей новой семье, Максим.

Собралась уходить, но он выпрямился и мягко перехватил меня за руку. Осторожно, почти нежно, но мне было противно от его прикосновения. Потому что этими руками он совсем недавно ласкал другую женщину, и теперь, когда он коснулся меня, я почувствовала себя запачканной.

— Подожди, Саша, давай поговорим.

Он говорил так же мягко, как и касался меня, но я всё же вырвала руку. Не могла. Мне было неприятно и больно всё ещё.

— Поговорить у нас не получается, разве не видишь? — обернулась я. — Тебе звонит твоя беременная желанным наследником любовница. Не заставляй её нервничать и ждать, езжай к ним.

— Саша, — тяжело вздохнул он. — Я понимаю, что ты обижена и раздавлена. И сейчас, когда мы узнали, что ты беременна, ты всё это переживаешь ещё тяжелее. Я не хотел всего этого. Прости. Я...

— Ты не знаешь, что сказать и думать, — перебила я, озвучивая очевидное. — Я тоже. Давай возьмем время на передышку. Приведем мысли в порядок и подумаем потом, что дальше делать. А сейчас прошу — уходи. Я устала и больше не в силах продолжить этот тяжелый день. А мне ещё предстоит с дочерьми непростой разговор.

Не дожидаясь его ответа, я поднялась на второй этаж в свою комнату.

Прошло минут пять-десять, прежде чем я услышала звук захлопнувшейся входной двери и шум отъезжающей машины. Уехал...

В доме стало тихо.

Девочки не стали заходить ко мне, видимо, давали время прийти в себя, за что я была благодарна своим уже не по годам мудрым дочерям.

Оставшись одна, я дала волю слезам.

Свернулась в клубочек на кровати и, тихо всхлипывая, рыдала в подушку. Мысли о том, что делать дальше, мучили меня. Ведь свекровь была права в одном. Я долго не работала, больше пятнадцати лет точно. Сейчас полностью зависела от Максима финансово, а что он мне оставит после развода, было неизвестно. Будет ли помогать мне и детям, учитывая то, как ловко Наталья его обрабатывает и настраивает против нас? Сомневаюсь.

Мы с Максимом поженились, когда ему было двадцать пять, а мне двадцать. Я доучилась в институте, получила диплом экономиста. После свадьбы немного поработала бухгалтером в районной администрации. Скучная работа, небольшая зарплата, но зато свои деньги всегда были.

А потом я забеременела двойняшками и оставила работу. Занималась детьми, домом, мужем. Как раз в то время у Максима дела пошли в гору. Он открыл свою строительную фирму, получил первые крупные подряды. Работать он мне больше не разрешал.

— Зачем тебе работать? — говорил он. — У нас достаточно денег. Занимайся детьми, домом, собой.

И я занималась. Все эти годы посвятила детям, мужу и дому. Думала, что строю крепкую, счастливую семью. А получается, что зря потратила двадцать лет жизни.

Теперь я сорокалетняя никому не нужная женщина без особого опыта работы и средств к существованию. А у него молодая любовница и новая жизнь.

Мучаясь от несправедливости происходящего, я забылась тяжелым сном.

Ближе к вечеру меня разбудили дочери.

— Мама, мамочка, проснись, — шептала Вика, осторожно трогая меня за плечо.

Еле разлепила глаза. Голова всё ещё болела, даже отдых не помог.

— Мамочка, ты слышишь? — повторила Вика, нежно гладя меня по волосам. — К нам бабушка приехала. Хочет с тобой поговорить.

Алина стояла рядом и беспокойно смотрела на меня. Было видно, что до сих пор напугана моим обмороком.

— Идите ко мне, мои солнышки, — я чуть подвинулась на кровати, чтобы дочери могли лечь рядом. — Пять минут полежим, потом спустимся к бабушке.

Говорила спокойным тоном, чтобы они не разнервничались. Хотелось укрыть их от всего, что сейчас происходит в нашей жизни. Защитить от таких разговоров и тем. Но знала, что не получится. Они слишком большие уже, чтобы не понимать, что наша семья разрушается.

Девочки легли по обе стороны от меня, обняли, и мы молча лежали. Все понимали, что тяжелый день ещё не закончился. Впереди ещё один бой со свекровью.

Уверена, она приехали не с хорошими новостями...

Глава 10.

Когда я спускалась вниз в гостиную, заметила, что на улице уже темнело. Как быстро прошёл этот кошмарный день. Столько всего произошло, что я даже не заметила, как утро сменилось днём, а день уже вечером. Голова продолжала слегка кружиться, то ли от пережитого стресса, то ли от беременности. Я ещё не привыкла к этой мысли, что внутри меня растёт новая жизнь. В такой момент, когда всё рушится.

Девочки осторожно спускались следом за мной, держась за перила. Я чувствовала их тревожные взгляды на своей спине. Они боялись каждого моего резкого движения, каждого вздоха. После обморока в больнице они стали такими тревожными, словно я могла сломаться в любую секунду.

Видя их страх, я решила, что больше не покажусь им слабой. Настроилась не нервничать больше. Понимала, что отныне у меня есть только я сама, и заботиться обо мне и моих дочерях больше никто не будет. А девочки ещё слишком маленькие, чтобы вваливать на них такой груз. Им нужна сильная мама. И я должна ею стать.

В гостиной нас ждала Ирина Игнатьевна. Свекровь сидела на краешке дивана, держа спину прямо, как всегда. За двадцать лет я ни разу не видела её сутулой или расслабленной, даже дома она была словно на приёме у королевы. На ней было строгое темно-синее платье с белым воротничком и жемчужные серьги, которые она носила уже много лет. Волосы, как обычно, уложены в безупречную причёску без единого выбившегося волоска. Рядом на журнальном столике стояла тонкая фарфоровая чашка с чаем, которую она, видимо, попросила у девочек. Ирина Игнатьевна всегда умела создать атмосферу, будто она здесь хозяйка.

— Сашенька, дорогая! — Ирина Игнатьевна поднялась и направилась ко мне с распростёртыми объятиями. Её голос звучал слишком сладко, с той особенной интонацией, которую она использовала, когда хотела что-то получить. — Как ты себя чувствуешь после больницы?

Я позволила ей обнять себя, невольно вдохнув запах её дорогих французских духов. От резкого аромата сразу стало дурно, наверное, из-за беременности обострилось обоняние. К счастью, она быстро отстранилась, и стало снова легче дышать. Раньше я принимала её показную заботу за искренность, думала, что она меня действительно любит. Но сейчас, когда я оказалась в такой сложной ситуации, у меня словно открылись глаза. Я впервые увидела её настоящую. Она на самом деле очень хитрая и преследует только свои интересы и интересы сына. Всё остальное для неё второстепенно.

— Спасибо, нормально, — сухо ответила я.

— Девочки, идите к себе, — мягко, но настойчиво попросила свекровь. — Нам нужно поговорить с вашей мамой.

Вика и Алина переглянулись, потом посмотрели на меня. После всего, что случилось с нами за последние сутки, девочки сильно переживали за меня, и на каком-то подсознательном уровне они словно не хотели оставлять меня одну с кем-то. Боялись, что меня могут обидеть. Мои маленькие защитницы. Мои девочки-воительницы. Грустно стало от мысли, что моим дочерям приходится чувствовать и проходить через всё это уже в таком юном возрасте.

Улыбнувшись максимально беззаботно, я кивнула им, и они неохотно встали и направились наверх, но я чувствовала, что они остановились на лестнице и прислушиваются.

— Присаживайся, Сашенька, — Ирина Игнатьевна указала на диван напротив. — У меня для тебя есть хорошие новости.

Я села, инстинктивно выпрямив спину. Что-то в её тоне заставило меня насторожиться. Её слова про хорошие новости я не восприняла всерьёз. В моей ситуации ничего хорошего уже не может произойти, какой бы новостью ни оказалась.

— Максим рассказал мне о... твоём интересном положении, — начала она, складывая руки на коленях. — И я приняла решение. Я переезжаю к вам, — объявила свекровь с видом человека, делающего великое одолжение. — Буду жить здесь, поддерживать тебя в период беременности. Максим очень просил. Он волнуется за твоё состояние и считает, что тебе нужна помощь.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Сердце застучало так громко, что казалось, его слышно в соседней комнате. Несколько секунд я не могла вымолвить ни слова, только смотрела на неё широко распахнутыми глазами. В ушах зазвенело, и на мгновение мне показалось, что я ослышалась.

— Что... что вы сказали? — наконец выдавила я.

— Я сказала, что буду жить здесь, — терпеливо повторила Ирина Игнатьевна, словно объясняя ребёнку. — Максим переедет к Наталье, а я останусь с тобой и девочками. Разве это не замечательно?

Глава 11.

Замечательно. Она сказала замечательно! Истерический смех рвался из груди, но я стиснула зубы, удерживая его внутри. Кровь стучала в висках. Они что, издеваются надо мной? Решили окончательно добить? Господи боже мой, дай мне силы не взорваться прямо сейчас. Девочки не должны видеть меня в таком состоянии.

Я медленно встала с дивана, чувствуя, как по телу разливается жар ярости. Руки начали дрожать, но теперь не от волнения, а от ярости. В горле пересохло, но говорить надо было.

— Как интересно получается! — проговорила я, шагая к окну и резко разворачиваясь обратно. — Значит, вы поговорили и всё уже решили за меня, получается?

Я не сдержалась и рассмеялась истерически. Но мне было уже всё равно. После их безумного плана, который ставит меня в ещё худшее положение и унижение, я больше не буду вести себя с ними по-человечески. Какой привет — такой ответ.

— Значит так, Ирина Игнатьевна, — продолжала я, чувствуя, как злость придаёт мне силы. — Передайте своему сыну, что он подлый эгоист! Жить по его указке я больше не буду. Я свободная и взрослая женщина. Сама могу принимать решения. И в мои планы совершенно не входит жить с матерью бывшего мужа, даже если вы преследуете благие намерения. Это уже слишком!

Я начала ходить по комнате, заламывая руки. Свекровь проследила за мной взглядом, но с места не сдвинулась. Её лицо оставалось невозмутимым, только брови слегка приподнялись, выражая удивление моей "неблагодарностью".

— Сашенька, не груби, — нахмурилась Ирина Игнатьевна. — Я хочу тебе помочь.

— Помочь? — горько усмехнулась я. — А что это будет за помощь? Каждый день слушать, как вы будете убеждать меня, что я должна быть благодарна за крохи внимания вашего сына? Что мне некуда идти и надо радоваться тому, что есть? Ваш сыночек решил устроить себе настоящий гарем! Там молодая любовница с наследником, тут покорная жена, которую можно в люди выводить. Как удобно он придумал! Последний мерзавец, вот кто он! Спасибо за предложение, конечно, Ирина Игнатьевна, но от такого рода помощи мне станет только хуже.

— Александра! — резко окликнула меня свекровь. — Следи за языком! Я делаю скидку на твоё положение, но это не даёт тебе права так говорить о Максиме!

— А вы следите за своим сыном! — развернулась я к ней. — Который бросил беременную жену ради беременной любовницы!

В этот момент я почувствовала лёгкое головокружение. Адреналин, стресс и беременность давали о себе знать. Тошнота подступила к горлу, но я сжала зубы. Нельзя показывать слабость. Не сейчас.

Ирина Игнатьевна поднялась с дивана и сделала шаг ко мне. На её лице отражалось искреннее недоумение, словно она не могла понять, почему её великодушное предложение встречают в штыки.

— Саша, успокойся. Я не понимаю, почему ты так реагируешь. Максим заботится о тебе, просит меня...

— С чего это вы все за меня решили?! — перебила я её, подойдя ближе и глядя прямо в глаза. — Я взрослая женщина и сама могу за себя думать и принимать решения!

Свекровь отступила на шаг, моргнув от неожиданности такого напора. За все годы знакомства я ни разу не повышала на неё голос, всегда была вежливой и почтительной. Видимо, она не ожидала такого отпора.

— И к тому же, — добавила я, откидывая волосы за плечо нервным движением, — я ещё не решила, что буду делать. Я не уверена, что хочу этого ребёнка!

Тишина, воцарившаяся в комнате, была оглушительной. Ирина Игнатьевна застыла с приоткрытым ртом. Даже девочки на лестнице перестали шуршать. Я сама испугалась произнесённых слов. Неужели я действительно думаю об этом?

— Не говори глупости, Сашенька! — наконец выдохнула свекровь, хватаясь за спинку кресла. — Что ты такое говоришь? Это твой шанс вернуть мужа! Если родишь мальчика, сможешь собрать семью снова!

Она подошла ко мне и схватила за руки. Её ладони были холодными и влажными, а в глазах впервые за весь разговор мелькнула настоящая тревога.

— Не глупи, дурёха! — взмолилась она. — Подумай головой! У тебя тоже может родиться мальчик! Рано или поздно Наталья совершит ошибку, и тогда ты сможешь его вернуть. Ты уже проверенная годами мать и жена! Он это понимает и обязательно вернётся. Ты только роди сына и терпеливо жди!

Я вырвала руки из её хватки и отошла в дальний угол комнаты, подальше от неё. Мне нужно было пространство, чтобы дышать, чтобы думать.

— Вы предлагаете мне жить в ожидании того, что он, может быть, когда-нибудь вспомнит обо мне? А что, если родится девочка? Снова терпеть унижения и жить по его правилам только потому, что он нас будет обеспечивать, и не иметь права голоса? Вы хоть представляете, о чём сейчас говорите? Боюсь, что нет. Извините меня, Ирина Игнатьевна, но быть удобной женой на подхвате я не собираюсь.

— Саша, я не то имела в виду... — начала было свекровь, но я резко подняла руку, заставив её замолчать.

— Знаете что? — я выпрямилась и посмотрела на неё в упор. — Даже если я решусь родить этого ребёнка и даже если родится мальчик, я всё равно не хочу и не позволю этому предателю вернуться в мой дом!

Свекровь побледнела и опустила в кресло, веером обмахивая себя ладонью. Её идеально уложенная причёска слегка растрепалась, и впервые за долгие годы она выглядела растерянной.

— Дай мне воды, — пробормотала она. — Кажется, мне плохо...

Но я уже направилась к лестнице, не обращая внимания на её спектакль. Слишком хорошо я знала эти манипуляции. Когда дела шли не так, как хотела Ирина Игнатьевна, она всегда находила способ вызвать жалость и чувство вины.

Я поднялась в свою спальню и с облегчением закрыла дверь. Наконец-то тишина, наконец-то можно выдохнуть. Присела на край кровати, чувствуя, как дрожат руки от пережитого напряжения. И только сейчас я поняла, что впервые за эти дни сказала то, что действительно думаю.

Но не прошло и минуты, как дверь резко распахнулась без стука. На пороге стояла Ирина Игнатьевна, и от её прежней растерянности и "недомогания" не осталось и следа. Лицо её было жёстким и решительным, в глазах горели стальные искры. Вот она, настоящая.

— Послушай меня внимательно, — свекровь говорила спокойно, но в голосе звучала сталь. — Я пыталась проявить к тебе сочувствие, но терпение моё не безгранично. Этот дом оформлен на моего сына, и если он просит меня здесь остаться, я останусь, нравится тебе это или нет!

Глава 12.

Утром я проснулась с тяжелой головой и ощущением полной разбитости. Всю ночь мучилась бессонницей, прокручивая в голове вчерашний разговор со свекровью. Её последние слова звучали как приговор. Дом оформлен на Максима, значит, у меня нет никаких прав. Ирина Игнатьевна переедет сюда, нравится мне это или нет.

Я проиграла. Полностью и безоговорочно.

Но девочки не должны были видеть мою слабость. Поэтому, собрав последние силы, я заставила себя встать и пойти их будить.

— Солнышки, пора вставать, — негромко позвала я, заходя в их комнату.

Вика и Алина лежали каждая в своей кровати. Спали они беспокойно, Алина даже во сне хмурилась. Вчерашний день был тяжелым и для них.

— Мамочка, а нам правда нужно идти в школу? — сонно пробормотала Вика, открывая глаза. — А вдруг опять будут дразнить?

Сердце сжалось. Мои девочки боялись идти в школу из-за насмешек одноклассников. Из-за того, что их отец бросил семью.

— Конечно, нужно, — я присела на край кровати и погладила её по волосам. — Помните, что мы с вами вчера говорили? Мы не будем прятаться. Мы не делали ничего, за что нужно было бы прятаться и стыдиться. Пусть стыдятся те, кто поступил неправильно. А мы с вами будем с гордо поднятыми головами продолжать жить.

— Все уже знают про то, что случилось, — тихо сказала Алина. — Папа бросил нас, выбрал другую семью. Другую дочь вместо нас... Мам, может ты правда родишь мальчика и мы папу заберём?

Больно и неприятно было слышать такие слова от дочери. Но что с неё взять, она всего лишь тринадцатилетняя девочка. Она просто любит отца, несмотря ни на что, и её желание вернуть его абсолютно нормально. Детское сердце способно прощать то, что взрослому кажется непростительным. Но как объяснить ей и Вике, что у них ещё есть право на надежду, право любить и прощать, а у меня всё по-другому? Для меня это не просто уход мужа — это предательство, унижение, разрушение всего, во что я верила двадцать лет. Даже если бы удалось его вернуть, как мне потом жить с человеком, который так легко растоптал нашу любовь? Как смотреть в глаза тому, кто предпочёл мне другую женщину и делать вид, что всё хорошо?

— Дорогие мои, — я подошла сначала к Алине, погладила её по щеке, затем к Вике, — что бы ни говорили другие дети, помните главное. Вы замечательные, умные, красивые девочки. И я вас очень люблю. А что касается папы... — я помолчала, подбирая слова, — сейчас всё очень сложно. Но мы с вами справимся со всем, я обещаю. А те, кто будет вас обижать, рано или поздно поймут, что были несправедливы, и будут об этом сожалеть.

За завтраком я старалась поддерживать лёгкую беседу, рассказывала какие-то смешные истории, но внутри меня всё горело от безысходности. Время от времени накатывала тошнота, и я понимала, что это не только от стресса, но и от беременности. Внутри меня растёт ребёнок, а я чувствую себя совершенно не готовой к материнству в третий раз, особенно в моём нынешнем сломленном состоянии.

Когда девочки собрались в школу, я проводила их до порога.

— Если что-то случится, сразу звоните мне, — сказала я, целуя каждую в лоб. — Помните, я всегда на вашей стороне.

Они кивнули и ушли, поддерживая друг друга. Мои храбрые и такие понимающие не по годам малышки.

Закрыв за ними дверь, я прислонилась к ней спиной и позволила себе на мгновение расслабиться. Но расслабляться было некогда. Нужно было думать, что делать дальше.

Я прошла на кухню, налила себе чай и села за стол. Попыталась трезво оценить ситуацию. Родителей у меня не было уже много лет. Мама умерла, когда мне было пятнадцать лет, а отца я и не помнила. Воспитывала меня бабушка, но её тоже давно не было в живых. Остался только мой отчим, но мы с ним никогда не ладили. Даже при жизни мамы между нами была натянутость, а после её смерти мы и вовсе перестали общаться. Обращаться к нему за помощью было последним делом.

Значит, рассчитывать мне было не на кого. Только на себя.

Но как бороться с Максимом и его матерью без денег? Мне нужен хороший адвокат, иначе они просто растопчут меня. А где взять деньги на адвоката? Своих сбережений у меня не было, все финансы в семье контролировал Максим.

Я отпила глоток чая и почувствовала, как в голове начинает формироваться план. Возможно, не самый приятный, но единственно возможный.

Я закрыла глаза и заставила себя принять самое унижительное решение в жизни. Нужно поговорить с Максимом. Сегодня же. Если он предложит то же самое, что и его мать, то есть жить как раньше, но при этом иметь вторую семью... Я соглашусь. Временно. Это даст мне время накопить денег на адвоката, подготовиться к разводу основательно. Да, это будет унижительно, но иногда нужно отступить, чтобы потом выиграть войну.

А если он неожиданно согласится на справедливый раздел имущества... Что ж, это был бы лучший сценарий. Хотя, зная Максима и его мать, рассчитывать на это не стоило.

Я посмотрела на часы. Девять утра. Максим уже должен быть на работе. Можно ехать к нему в офис. Лучше поговорить у него в фирме, там никто не будет нам мешать.

Я допила чай и пошла наверх, чтобы переодеться во что-то подходящее для важного разговора. Нужно было выглядеть достойно, создать видимость того, что я не сломлена. Максим не должен был видеть, насколько мне плохо.

Выбрала строгое тёмно-синее платье. Немного нанесла макияж, волосы уложила с лёгким объёмом. Однако от бледности меня все эти манипуляции не спасли. Я выглядела довольно болезненно и слабо.

Но едва я спустилась вниз, как услышала громкий шум на улице. Звук подъехавшей машины, хлопанье дверей, мужские голоса.

Что происходит?

Я подошла к окну и увидела большой грузовик, припаркованный у нашего дома. Рядом с ним стояла знакомая серебристая машина Ирины Игнатьевны. Несколько мужчин в рабочей одежде выгружали из грузовика коробки и чемоданы.

Сердце ухнуло вниз. Неужели она...

Входная дверь распахнулась, и в дом вошла Ирина Игнатьевна в сопровождении двух грузчиков, несущих большие коробки.

— Осторожнее с этой коробкой, там фарфор! — командовала она. — А эту поставьте пока в гостиной.

Увидев меня на лестнице, свекровь расплылась в широкой улыбке.

— Сашенька! А вот и я! — воскликнула она таким тоном, словно вчера мы и не поругались. — Решила не тянуть с переездом. Как ты себя чувствуешь, дорогая? Не тошнит? В твоём положении это нормально...

Я стояла на лестнице, держась за перила, и не могла вымолвить ни слова. В голове крутилась одна и та же мысль. За какие грехи мне всё это?

— Ребята, вторую машину тоже разгружайте, — продолжала распоряжаться Ирина Игнатьевна. — Мебель поставим пока в гостиной, потом разберёмся.

Приехала вторая машина? И мебель везут?

Я медленно повернулась и поднялась обратно в свою спальню, закрыв за собой дверь. Ноги подкашивались, перед глазами плыло.

Прислонилась к двери, тихо прошептала:

— Если они так будут продолжать меня мучить, боюсь, что стресс не даст мне выносить малыша...

Эта мысль ужаснула меня. Неужели всё дошло до того, что я боюсь за жизнь своего ребёнка? В моём нынешнем положении постоянный стресс действительно может навредить беременности. Как защитить малыша, если я сама едва держусь?

Внизу продолжался грохот и топот. Грузчики таскали вещи, Ирина Игнатьевна распоряжалась, устраиваясь в моём доме как полноправная хозяйка...

Глава 13.

Офис Максима находился в центре города, в современном бизнес-центре со стеклянными фасадами. Я долго сидела в машине на парковке, собираясь с духом. Медленно поправила волосы, затем проверила макияж в зеркале заднего вида. Внутри все сжималось от предчувствия тяжелого разговора, но при этом я была настроена серьезно.

Последний раз я приезжала сюда полгода назад, когда мы отмечали расширение его фирмы. Тогда Максим был так горд и счастлив, обнимал меня перед сотрудниками, представлял как любимую жену. А теперь... Теперь я чувствовала себя чужой в том месте, где когда-то была своей, пришла выяснять отношения с человеком, который стал мне посторонним.

Поднявшись на седьмой этаж, я прошла через приемную. Секретарша, молоденькая блондинка в ярко-розовой блузке, удивленно подняла глаза от компьютера.

— Александра Сергеевна! — воскликнула она. — Как неожиданно! Максим Андреевич не говорил, что вы приедете.

— Он не знает, — коротко ответила я. — Он свободен?

— Да, свободен! Проходите, пожалуйста!

Я толкнула дверь кабинета и вошла. Максим сидел за своим массивным письменным столом, разговаривая по телефону. Увидев меня, он так удивился, что даже рот приоткрыл. В трубку быстро сказал: "Перезвоню позже" — и положил телефон на стол.

— Саша? — он поднялся из-за стола, и на лице отразилось неподдельное удивление. — Что ты здесь делаешь?

А потом произошло то, чего я совершенно не ожидала. Максим, который еще вчера орал на меня и обвинял во всех смертных грехах, вдруг засуетился, как официант в дорогом ресторане.

— Саша, садись, пожалуйста, — он практически подбежал ко мне и взял под локоть, ведя к креслу для посетителей. — Осторожно, не торопись.

Он сам выдвинул мне кресло, дождался, пока я сяду, и даже пододвинул его поближе к столу.

— Тебе удобно? Или лучше на диван? Там помягче... — он носился вокруг меня с преувеличенной заботой.

Однако от такой заботы меня замутило. Я смотрела на этого человека, который еще два дня назад кричал на меня, защищал свою любовницу, позволял ей издеваться над нашими дочерьми. А сейчас он ведет себя так, словно я хрустальная ваза, которая может разбиться от неосторожного движения.

— Что хочешь выпить? — продолжал он суетиться. — Чай? Кофе? Хотя нет, кофе тебе нельзя сейчас. Воду принести? Может, сок? У меня есть яблочный, очень хороший, натуральный. Или всё же какой-нибудь травяной чай?

Слушая этот поток слов, я с горьким пониманием осознала истинную причину его поведения. Весь этот спектакль разыгрывается только из-за ребенка, который растет у меня в животе. А я сама ему по-прежнему не нужна. Вчера он кричал на меня, защищал свою любовницу, ушел к ней, а сегодня лебезит, и это разочаровывает даже больше, чем его вчерашняя грубость.

И самое противное, что я понимала его мотивы. Он надеется. Надеется, что я рожу ему сына. Еще одного наследника. Тогда у него будет полный комплект, сын от любовницы и сын от жены. Как удобно получится! Две женщины, два мальчика, и он главный, производитель наследников. Осеменитель хренов!

От этих мыслей меня начало подташнивать по-настоящему. Не хочу рожать ему сына. Совсем не хочу. Пусть будет девочка. Еще одна "ненужная" девочка, которая разрушит все его планы.

— Саша, ты меня слышишь? — Максим присел на корточки рядом с моим креслом, заглядывая мне в лицо. — Тебе нехорошо? Может, тебе полежать? Здесь есть диван...

— Максим, прекрати, — я отстранилась от него. — Прекрати весь этот театр.

Он выпрямился, на лице мелькнула обида.

— Какой театр? Я просто переживаю за тебя. Ты же беременна, тебе нужно беречься...

— Ага, — я горько усмехнулась.

— Саша, ты зачем приехала? — он вернулся за свой стол, но продолжал смотреть на меня с тревогой. — Тебе же надо лежать, покой нужен. Вчера доктор сказал...

— Доктор многое говорил, — перебила я его. — Но я пришла не за медицинскими консультациями.

Максим напрягся. По его лицу я поняла, что он догадывается, зачем я здесь.

— Я пришла обсудить наш развод, — сказала я прямо, не стала ходить вокруг да около.

Максим замешкался. Несколько секунд он молчал, переводя взгляд с меня на стол, потом обратно. Было видно, что эта тема ему неприятна. Что он не хочет пока говорить об этом. Не готов.

И я прекрасно понимала почему. После того, как он узнал о моей беременности, все изменилось. Его планы, его расчеты. Теперь он не знает, как поступить. Бросить жену это одно дело. А бросить беременную жену, которая, возможно, носит его наследника, совсем другое.

— Саш, — наконец заговорил он, и голос звучал почти умоляюще, — давай отложим этот разговор до лучших времен. Ты беременна, не стоит нам сейчас еще и разводиться. Это стресс, а он тебе противопоказан. Пусть ребенок родится, а там уже будет видно...

Я слушала его и чувствовала, как последние надежды гаснут. Он не намерен разводиться. Совсем не намерен. Он будет тянуть время, ждать, надеяться. А если родится мальчик, то попытается вернуться, жить на две семьи, как предлагала его мать.

— Максим, — я наклонилась вперед, глядя ему прямо в глаза, — ты же понимаешь, что я могу быть беременна девочкой?

Он побледнел. Не ожидал такого прямого вопроса.

— Что ты будешь делать, когда УЗИ покажет пол ребенка? — продолжила я, наслаждаясь его растерянностью. — Когда выяснится, что твоя жена носит очередную "ненужную" девочку?

— Саша, не говори так... — пробормотал он.

— А как говорить? — я встала с кресла, чувствуя прилив злой энергии. — Ты же именно это думаешь! Ты надеешься, что я рожу тебе сына, правда? Тогда у тебя будет два мальчика от двух женщин. Красивая картинка получается!

— Это не так...

— Нет, именно так! — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Ты весь этот спектакль с заботой разыгрываешь только потому, что думаешь, а вдруг повезет? А вдруг мальчик? Тогда можно будет жить припеваючи, там сын, тут сын, и ты в центре, как султан в гареме!

Максим покраснел, но ничего не ответил. Значит, я попала в точку.

— Знаешь что, Максим, — я взяла сумочку, готовясь уходить, — можешь не строить планы. Даже если родится мальчик, я не позволю тебе использовать его как пропуск обратно в мою жизнь. Наш брак закончен. И никакие дети это не изменят.

Я направилась к двери, но его голос остановил меня.

— Саша, подожди... Нам нужно серьезно поговорить. Но не сейчас, не в таком состоянии. Ты взвинчена, это вредно для ребенка...

— Для ребенка вредно жить с отцом-предателем, — бросила я через плечо и вышла из кабинета.

В лифте, спускаясь вниз, я прислонилась к стенке и закрыла глаза. Встреча прошла именно так, как я и ожидала. Его лицемерие и расчетливость оставляли горький осадок на душе.

Но зато теперь я окончательно поняла, что рассчитывать на его честность и порядочность не стоит. Он будет играть в свои игры до последнего, поэтому мне нужно готовиться к войне. К тому же я поняла, что не смогу согласиться на то, чтобы остаться его женой, пусть даже временно. Мне просто противно от одной этой мысли. Нет, категорически не смогу и не хочу! А значит, придётся выгрызть то, что принадлежит мне и моим дочерям по праву.

Глава 14.

Выйдя из бизнес-центра, я машинально поймала такси и назвала водителю первый попавшийся адрес из поиска в телефоне. "Адвокаты Калуга" дал несколько результатов, и я выбрала ту фирму, которая была ближе всего к центру города.

Устроившись на заднем сиденье, я прислонилась к окну и закрыла глаза. Машина плавно двигалась по знакомым улицам нашего небольшого, но довольно развитого областного центра. Мимо проплывали привычные пейзажи: торговые центры, жилые кварталы, скверы, где я когда-то гуляла с девочками, когда они были маленькими. Всё это напоминало о прежней жизни, которая теперь казалась чужой.

Как же я могла так ошибиться в человеке? Двадцать лет рядом с Максимом, и я думала, что знаю его как облупленного. Он был хорошим мужем, заботливым отцом. Никогда не поднимал на меня руку, не запрещал встречаться с подругами, не контролировал каждый мой шаг. Всегда казался порядочным, надежным. Приносил цветы на 8 марта и день рождения, помогал по дому, когда я болела. Мне и в голову не приходило, что он способен на такое предательство.

За все годы брака он ни разу не дал мне повода усомниться в его верности. Не было подозрительных звонков, задержек на работе без объяснений, странных перемен в поведении. Никаких липовых командировок, секретных переписок, внезапных походов в спортзал или к друзьям. Ничего. Он просто жил своей обычной жизни, целовал меня на ночь, обнимал по утрам, как положено любящему мужчине.

Как он умудрялся так виртуозно лгать? Как мог смотреть мне в глаза и говорить, что любит, зная, что предаёт меня каждый день? И главное, как он мог так легко от меня отказаться? Как можно двадцать лет прожить с человеком, воспитывать общих детей, строить планы на будущее, а потом в один момент сказать, что тебе нужен сын, и ради этого бросить семью?

От этих размышлений внутри все сжималось болезненным комом. Хотелось выть от обиды и беспомощности. Я чувствовала себя такой одинокой, такой ненужной, такой преданной. Впереди маячило будущее, которое пугало до дрожи. Как я буду растить троих детей одна? Как найду работу после такого длительного перерыва в карьере? Кто захочет брать на работу сорокалетнюю женщину без опыта?

И главное, как пережить эту боль? Мне казалось, что рана, нанесенная Максимом, никогда не заживет. Что я до конца жизни буду помнить его предательство и не смогу больше доверять мужчинам. Как можно вылечить после такого удара в спину? Как снова поверить в любовь, когда тебя так жестоко обманул самый близкий человек?

— Приехали, — сказал таксист, останавливаясь у невысокого административного здания.

Я встряхнулась, вытерла незаметно навернувшиеся слезы и расплатилась. Здание выглядело солидно, но без излишеств. Серый фасад, большие окна, ухоженная территория. Вывеска "Юридическая компания "Фемида"" висела над главным входом, а рядом перечислялись услуги: семейное право, гражданские споры, корпоративные дела.

Войдя внутрь, я поднялась на четвертый этаж согласно указателю. Коридор был отделан в строгом деловом стиле: темный паркет, светлые стены, картины с изображением Фемиды и весов правосудия.

В приемной за стойкой из темного дерева сидела девушка лет двадцати пяти в строгом сером костюме. Волосы собраны в аккуратный пучок, макияж деловой, но ненавязчивый. Она подняла глаза от компьютера и профессионально улыбнулась.

— Добрый день! Чем могу помочь?

— Здравствуйте, — немного неуверенно начала я. Голос предательски дрогнул, и я откашлялась. — Можно ли проконсультироваться у адвоката прямо сейчас? Или нужна предварительная запись?

— Сейчас уточню, — девушка взяла трубку и набрала внутренний номер. — Герман Викторович, к вам просится на консультацию женщина... Да, без записи... Понятно... Хорошо, передам.

Она положила трубку и снова посмотрела на меня с той же профессиональной улыбкой.

— Вас смогут принять, но нужно немного подождать. Сейчас у Германа Викторовича клиентка. Как только она уйдет, он вас примет. Располагайтесь, пожалуйста.

— Спасибо большое, — кивнула я и устроилась в одном из кожаных кресел в зоне ожидания.

Герман Викторович? Имя показалось знакомым, но я не могла вспомнить, где его слышала. Наверное, просто распространенное имя. Или, возможно, читала где-то в рекламе юридических услуг.

Я сидела и машинально листала глянцевого журнал о недвижимости, не видя ни одной строчки. Мысли металась хаотично, тревога нарастала с каждой минутой. Как я вообще буду объяснять адвокату свою ситуацию? С чего начать? Как рассказать незнакомому человеку о своем унижении и предательстве?

За стенкой слышались приглушенные голоса. Иногда до меня доносились обрывки фраз, но разобрать их было невозможно. Время тянулось мучительно медленно. Я то и дело поглядывала на часы, волнение усиливалось.

Прошло минут двадцать, когда дверь кабинета открылась. Первой вышла элегантная женщина средних лет в дорогом бежевом костюме и с фирменной сумочкой. Она что-то говорила на прощание, благодарила за консультацию, но я ее толком не слушала, сосредоточившись на своих переживаниях.

А потом из кабинета показался мужчина, и у меня буквально перехватило дыхание.

Это был тот самый наглый тип из школы. Герман Власов. Отец той девочки-готки Тани, которая участвовала в драке с моими дочерьми. Тот самый мужчина, который схватил меня за руку в кабинете директора и назвал неуправляемой.

Он проводил клиентку до двери, вежливо попрощался с ней, а потом перевел взгляд на меня. Удивление отразилось на его лице, он явно тоже меня узнал.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга молча. Я чувствовала, как щеки начинают гореть от неловкости.

М-да... Если уж не везёт, то во всём видимо...

Из всех адвокатов в Калуге мне попался именно он. Неприятный тип, с которым мы невзлюбили друг друга с первой встречи.

Глава 15.

— Герман Викторович, — секретарша обратилась к нему, — это та самая клиентка, которая просила консультацию.

Герман кивнул и моментально переключился в рабочий режим. Никакого намека на нашу неприятную встречу в школе.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он со мной. — Прошу вас, проходите в мой кабинет.

Я замешкалась на секунду-другую. Внутри все протестовало против идеи остаться наедине с этим человеком. Хотелось развернуться и убежать, найти другого адвоката. Но здравый смысл подсказывал, что это было бы глупо. Мне нужна помощь, а он, судя по солидности офиса, хороший специалист.

Натянув вежливую улыбку, я кивнула.

— Спасибо.

Его кабинет оказался просторным и обставленным со вкусом. Большой письменный стол из темного дерева, книжные шкафы с юридической литературой, кожаные кресла, картины на стенах. Все дышало достатком и профессионализмом.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — он указал на кресло напротив стола. — Что будете пить? Чай, кофе?

— Просто воду, спасибо, — ответила я.

— Ольга, — обратился он к секретарше, — принесите, пожалуйста, воду для клиентки, а мне кофе.

Отпустив кнопку селектора, он откинулся в кресле. В кабинете повисла неловкая тишина. Герман прокашлялся и посмотрел на меня серьезно.

— Александра Сергеевна, прежде чем мы перейдем к вашему вопросу, я хотел бы извиниться перед вами за инцидент в школе. — Голос у него был спокойный, но в глазах читалось искреннее сожаление. — Я обычно контролирую себя и довольно сдержан, но когда дело касается дочери, могу совершать необдуманные поступки. Прошу прощения, я вел себя недостойно.

Я открыла рот от удивления. Такого поворота точно не ожидала. Этот мужчина, который показался мне таким надменным и неприятным, извиняется? И делает это так искренне, что верится каждому слову.

— Я... — начала я и осеклась. — Я понимаю вас. Когда кажется, что твоего ребенка обижают, хочется защитить его всеми способами.

Что-то потеплело в его взгляде, и я почувствовала, как напряжение между нами начинает спадать.

— Именно так, — согласился он. — Я поговорил с Таней после того случая. Она рассказала мне, что происходило на самом деле. И я хотел бы от себя ещё попросить прощения у вас за дочь. Я объяснил ей, что она была неправа, и мы договорились, что она попросит прощения у ваших дочерей.

Я изумленно открыла рот. Честно говоря, совсем этого не ожидала. Немного смутившись, улыбнулась ему уже более искренне.

— Благодарю вас. Это... это очень благородно с вашей стороны.

В этот момент вошла секретарша с подносом. Поставила передо мной стакан воды, а Герману — чашку ароматного кофе.

— Знаете, — сказал он, отпив глоток, — дети сейчас переживают сложный период. Переходный возраст, школьные проблемы... А тут еще и семейные обстоятельства добавляют сложности.

— Да, — вздохнула я. — Мои девочки сейчас очень уязвимы. Муж ушел из семьи, и ваша дочь нечаянно надавила им на самое больное. Вот и произошла та драка.

— Понимаю, — кивнул он участливо. — Развод родителей для детей всегда травма.

Его голос звучал так тепло и понимающе, что я невольно расслабилась. Странно, но в его присутствии я чувствовала себя... защищенной что ли. Будто рядом с этим мужчиной ничего плохого не может случиться.

— Чем могу вам помочь? — мягко спросил он, и от этого участливого тона у меня даже сердце екнуло.

Я сделала глоток воды, собираясь с мыслями.

— Ситуация у меня довольно сложная, — начала я. — Муж ушел к любовнице, которая беременна мальчиком. Для него это важно, у нас с ним только дочери. Но оказалось, что и я беременна. И теперь он не хочет давать развод, тянет время, надеется, что если у меня родится сын, то сможет жить на две семьи.

Герман слушал внимательно, изредка кивая. Его взгляд не отрывался от моего лица, и я ловила себя на том, что мне нравится, как он на меня смотрит. Серьезно, но в то же время с каким-то особенным теплом.

— К тому же, — продолжила я, — к нам насильно заселилась свекровь. Говорит, что дом оформлен на сына, и она имеет право там жить. Намекает, что я могу остаться ни с чем. Я долго не работала, в тонкостях законов не разбираюсь и боюсь, что мой муж воспользуется моей неопытностью.

— Понятно, — Герман откинулся в кресле, сцепив пальцы. — Давайте разберем вашу ситуацию по порядку. Во-первых, касательно имущества. Дом, если он приобретался в браке, является совместно нажитым имуществом, независимо от того, на кого оформлен. При разводе он подлежит разделу пополам.

Я вздохнула с облегчением. Уже легче стало на душе.

— Во-вторых, — продолжил он, — алименты на двоих детей составляют треть от всех доходов отца. Причем алименты назначаются не только с официальной зарплаты, но и с других доходов. Судебная практика показывает, что суды активно защищают интересы детей.

— А если он будет скрывать доходы? — спросила я.

— Есть механизмы принуждения, — уверенно ответил Герман. — Приставы могут арестовать счета, запретить выезд за границу, даже лишить водительских прав. Современная система довольно эффективна.

— А что насчет свекрови? — не удержалась от вопроса я.

— Никто не может принуждать вас к совместному проживанию, — твердо сказал он. — Если дом при разделе останется за вами, а с детьми такое случается часто, вы вправе выселить любых третьих лиц.

Говорил он уверенно, и каждое его слово вселяло в меня надежду. А еще я не могла не заметить, как красиво у него получается объяснять сложные вещи простыми словами. И эти руки... сильные, уверенные, когда он жестикулировал, объясняя мне нюансы закона.

— Насчет беременности, — добавил он, помолчав. — По закону муж не может подать на развод, пока вы беременны и в течение года после родов без вашего согласия. Но вы-то можете.

— То есть закон на моей стороне? — с надеждой спросила я.

— Полностью, — улыбнулся он. — Главное не бояться и действовать решительно, — постучал ручкой по столу, подводя итог, и подмигнул мне, не отводя взгляда. Я неожиданно смутилась от этого жеста и от того, как пристально он на меня смотрел.

Мы проговорили еще минут десять, обсуждая детали предстоящего развода. Странно, но я чувствовала себя рядом с ним так естественно, словно знала его уже много лет. Он объяснял все терпеливо, разжевывал до мелочей и давал чувство защищенности. Впервые за эти тянущиеся словно бесконечность страшные и сложные дни я почувствовала некую безопасность.

— Думаю, на сегодня достаточно, — сказал он наконец. — У вас есть ясная картина своих прав. Главное помните, не давайте себя запугивать и если что звоните в любое время.

Он снова подмигнул и протянул мне визитку. Я снова почему-то смутилась, но не растерялась. Благодарно кивнула и забрала себе визитку с его номерами. Не мешает.

Мы вышли в приемную. Я достала кошелек и спросила:

— Сколько с меня за консультацию? Оплачивать здесь, у секретарши?

— Не надо, — неожиданно сказал Герман.

Я непонимающе посмотрела на него.

— Пусть это будет в качестве моих извинений за тот инцидент в школе, — пояснил он. — Прошу вас.

В этот момент зазвонил телефон у секретарши. Она подняла трубку, выслушала что-то и обратилась к Герману:

— Герман Викторович, звонили из школы. Ваша дочь опять подралась.

В ту же секунду зазвонил и мой телефон. Увидев на дисплее номер школы, я испуганно посмотрела на Германа. Сердце ушло в пятки. Уже догадывалась, что мне скажут.

Подняв трубку, я встретилась взглядом с Германом. На его лице отражались те же опасения, что и у меня.

— Аллю? — дрожащим голосом ответила я.

— Александра Сергеевна? Это школа. Ваши дочери снова подрались. Директор просит вас срочно приехать.

Глава 16.

— Поехали вместе, — предложил Герман, закрывая кабинет. — Все равно направление одно.

Я кивнула, понимая, что это разумно. В его машине мы молчали почти всю дорогу, каждый думал о своем. Я нервничала, мысленно представляя, какие испытания выпали на долю моих девочек на этот раз. А он хмуро смотрел в окно, и по напряженной линии его челюсти было видно, что он тоже волнуется.

— Надеюсь, ничего серьезного, — тихо сказала я.

— Посмотрим, — коротко ответил он.

Подъезжая к школе, я увидела машину Максима на парковке. Сердце сжалось. Если его тоже вызвали, то дело действительно серьезное.

В школьных коридорах царила тишина, поскольку шли уроки, и лишь где-то вдалеке доносились приглушённые голоса. Мы быстро поднялись на второй этаж и направились к кабинету директора. Дверь была приоткрыта, и через щель я увидела Максима у окна. Даже со спины чувствовалось его бешенство. Плечи были напряжены до предела, руки сжаты в кулаки.

— Входите, пожалуйста, — пригласил нас директор, заметив в дверях.

Я вошла и сразу увидела своих девочек. Они сидели на диване в углу кабинета, и моё сердце разрывалось от их вида. Вика пыталась держаться молодцом, но красные, опухшие глаза выдавали, что она недавно плакала. А моя Алинка... Боже мой, она выглядела совершенно разбитой. Плечи всё ещё тряслись от беззвучных рыданий, а лицо было опухшим от слёз.

Максим, увидев нас, сразу повернулся. На лице была ярость, которую я видела у него крайне редко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.